

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	83
Глава 8	95
Глава 9	107
Глава 10	122
Глава 11	136
Глава 12	147
Глава 13	161
Глава 14	176
Глава 15	192
Глава 16	203
Глава 17	215
Глава 18	227
Глава 19	239
Глава 20	254
Глава 21	266
Глава 22	281
Глава 23	296
Глава 24	309
Глава 25	321
Эпилог	344

Глава I

Как же давно я здесь не был!

Большая карета, называемая дормез, неспешно катилась по ровной польской дороге, чуть покачиваясь на рессорах. Колёса ещё деревянные, до изобретения резинового хода пройдут десятилетия, но трясло не слишком. В прошлой моей жизни, когда приходилось рассекать на другой карете — «скорой помощи» марки УАЗ — по дальним деревням около Могилёва, на ухабах порой подбрасывало гораздо чувствительнее. Носились там, конечно, раз в десять быстрее, чем в начале девятнадцатого века, что порой заканчивалось страшными авариями. В одну из них попал и я, вероятнее всего — погиб, неожиданно для себя очнувшись в 1812 году, в разгар войны с Наполеоном.

С тех пор прошло четырнадцать лет, но до сих пор иногда побаливает штыковая рана. Её мне нанёс не французский солдат и не польский шляхтич, а полоумный русский гвардеец. Метил в меня, сводил счёты, потому что некая дама предпочла не его. Но сзади стоял государь император Александр I. Выходит, его я закрыл своим телом. Возведённый за спасение царя в графское достоинство, а впоследствии получивший из его рук генеральский чин, не ропщу на судьбу, вряд ли бы в белорусской службе «хуткай дапамогі» (скорой помощи) сделал бы столь головокружительную карьеру.

Та же судьба подкидывает порой удивительные совпадения: сидевший передо мной граф Александр Павлович Строганов был сыном генерал-лейтенанта Павла Александровича Строганова, под началом которого как раз и служил проткнувший меня ублюдок.

— Александр Павлович, позвольте полюбопытствовать, вам воевать не пришлось?

Мой спутник смутился. Не удивительно, если молодость пришлась на время славных битв, им пропущенных. Зная о моих регалиях, он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Увы, Платон Сергеевич, к французскому нашествию мне только семнадцать исполнилось. Испросился в армию позже, отец препятствовал всячески — мол, я единственный наследник фамилии, у меня сплошь сёстры, прервётся род по мужской линии. После, стыдно сказать, определил меня в дивизию под своим командованием. Да только не воевали мы, а как Франция капитулировала, вошли в Париж победителями, — граф печально вздохнул. — Второсортный из меня победитель. Ни крови не видел, ни пороху не нюхал.

Мысленно я вклеил себе оплеуху. Вот же идиот! Конечно, спустя четырнадцать лет, минувших после отлучения от интернета, я далеко не всё помню о военачальниках Отечественной войны, хоть с многими теперь довелось познакомиться лично. История Строганова-старшего известная, единственного сына тот берёг, да не сберёг, во время европейского похода Русской императорской армии парню оторвало голову пушечным ядром. В этой реальности сидит передо мной тридцатилетний красавец-мужчина и в ус не дует. Даже не догадывается, что перед ним — его спаситель. Вслух сказал:

— Не расстраивайтесь, ваше сиятельство. Война — это мерзость. Хотя и даёт некоторым шанс выжить и выдвинуться. Но слишком страшной ценой.

— Скоро русский кордон, не зовите меня более «сительством», гражданин Платон Сергеевич. В Российской республике титулы упразднены.

— Слышал. Но не огорчаюсь. Я чуть более года в России графствовал, как меня государь отправил по посольской части в Северо-Американские Соединённые Штаты. Там, знаете ли, титулы тоже не в чести. Если ты белокожий и при деньгах, то в любом случае уважаемый. Надеюсь, что хотя бы поместья мои не отошли в казну. Покойный император даровал мне десять тысяч душ!

— С крепостными попрощайтесь, Платон Сергеевич. Правительство им всем вольную дало.

— Я опередил его и написал вольную сразу, всех крепстьян в арендаторы перевёл.

Гражданин граф едва рот не открыл от изумления. А вот так, господа-помещики, пока вы из своих крепстьян последние соки выжимали, среди Нижегородской губернии появился в 1813 году клочок капитализма, где наряду с арендаторами ещё две тысячи французов трудилось, отловленных в Беларуси и туда сvezённых. Их холопствовал для начала, чтоб приучились понимать, кто в доме хозяин, иными словами — закабалил как крепостных. Через пару лет управляющий Порфирий Осипович отчёт прислал — трудятся лягушатники и в свою лягушандию не рвутся, отчего я повелел и их освободить. Не по доброте душевной, а из чисто меркантильного умысла — наймиты работают лучше пригонных. Тёщу, правда, так и не убедил. В поместье, доставшемся моей супруге Аграфене Юрьевне по наследству от матери, крепостные освобождены только после «Великой Декабрьской революции», что там творится — понятия не имею.

— Что же вы раньше в Россию не вернулись? — поинтересовался Строганов.

Нужно было раньше, конечно — раньше! Кто же мог предположить... Все преимущества послезнания отечественной истории утрачены, она изменилась. В 1813 году у Александра I родился наследник, страна вышла из военного лихолетья в гораздо лучшем положении, чем в моей реальности, там у императора были лишь дочери, умершие в детском возрасте. Аракчеев готовил указ об освобождении крестьянства и введении основ конституционной монархии, Сперанский составил лучший в мире Свод законов. Но случились вещи непредвиденные. Тем более — не увиденные из-за океана.

Аракчеевщина всё равно вызвала недовольство. Когда умер Александр I, это случилось в ноябре двадцать пятого, престол унаследовал не его твердокаменный брат Николай, а двенадцатилетний сын. Питерская гвардейская свора восстала с ещё большей решимостью, и не нашлось жёсткого, волевого человека, способного отдать приказ покрошить гвардейских мерзавцев картечью из пушек.

Бунтовщики выступили на Сенатской, захватили Санкт-Петербург, «случайно» пришили наследника, арестовали большинство членов императорской семьи, низложили правительство. В общем, февраль семнадцатого наступил почти на сотню лет раньше.

Об этом мы с Аграфеной Юрьевой узнали из статей в «Нью-Йорк Пост» и хотели бы вернуться в Россию быстрее, но нас держал госпиталь. Деньги на содержание русской дипмиссии в Северо-Американских Соединённых Штатах перестали поступать давно, и мы с женой основали первую платную клинику в бывшей британской колонии. Поскольку мои фельдшерские познания, даже не врачебные, превосходили всю медицинскую науку планеты, а я без зазрения совести подделал себе российский лекарский диплом, то буквально

за пару лет мы стали самым преуспевающим стартапом на Восточном побережье.

Медициной я ограничил прогрессорство, не пытаюсь играть в «Трудно быть богом» по мотивам братьев Стругацких. Когда-нибудь Россия и Америка столкнутся, не хотелось вооружать будущего соперника ничем. Врачевание — другое дело. Тем более, скоро начнётся кровавая война между Севером и Югом, американцев в ней погибнет гораздо больше, чем во Второй мировой. Так пусть хоть полевая медицина спасёт кого-то, в той реальности умершего от ран. Пару секретов, позволяющих увеличить число солдат, возвращаемых из лазаретов в строй, я выгодно продал военному отделу Конгресса.

Больше двух месяцев ушло, чтобы продать сам госпиталь. Его приобрела богатая еврейская семья: они лучше и раньше других поняли, насколько важно заботиться о здоровье.

Только в марте 1826 года мы с Грушей и девочками сошли с океанского корабля в Ливерпуле. В Англии больше необходимого задержались всего на неделю. Ещё в Штатах я внимательно следил за всеми доступными публикациями о взрывчатых веществах. Где-то в начале 1820-х годов изобретён первый пистон, тем самым открывается дорога к унитарному патрону для револьверов и винтовок... Но я не помнил химический состав вещества, тем более — как его сделать, исходя из местных технологий. В Англии мне удалось найти Джозефа Мэнтонна. Он, как все изобретатели, считал себя недооценённым, поэтому охотно поделился сведениями. Обиженный местными скупердями, от меня он получил самую лестную оценку, выраженную в стопке золотых соверенов с профилем Георга IV.

Дальнейший наш путь пролегал через Париж, и там я решил оставить семью, трижды поклявшись им — это совершенно ненадолго.

Беспокоиться было из-за чего. Если провести параллель с хронологией моего прежнего мира, почти сразу за февралём семнадцатого наступил «красный октябрь». Не считая деталей, в России повторялся сюжет Великой Французской революции, а также русской революции моей реальности. Прекраснодушная интеллигенция, поднявшая массы на слом самодержавия, не смогла удержать контроль над разрушительными процессами и погибла, когда власть захватили другие, сами не ходившие на «штурм Зимнего», зато более расчётливые и циничные.

Груша цеплялась за меня, не желая отпускать, и не могла парировать единственный аргумент: девочек в революцию брать с собой негоже, одних оставлять в Париже — тем паче. К слову, Маше Париж приглянулся сразу, такой европейский и цивилизованный город-праздник после закопченного работяги Нью-Йорка, праздник, который всегда с тобой, как через много лет напишет Эрнст Хемингуэй. Полин и Натали, родившиеся за океаном, смотрели на парижскую суету с любопытством, но одновременно терзались, им никогда не приходилось оставаться без меня.

Там же я приобрёл просторную карету-дормез и четверку неплохих лошадей, приговаривая: наши люди на карете в булочную не ездют.

Тут ещё надобно добавить. Провалившись в 1812 год, я поначалу удивлял русских необычным своим выговором и лексиконом, а также непривычными местному уху фразочками. Мне их прощали в силу моей легенды, польского происхождения и долгой жизни во Франции, хоть ни один поляк наполеоновских времён не понял бы фразу «наши люди в булочную на такси не ездят» из «Бриллиантовой руки». Потом постарался говорить как все в Санкт-Петербурге — по-русски и по-французски, в Нью-Йорке — по-английски. Но

дома всё равно был русский, созвучный эпохе, со всеми этими «окстись», «понеже», «изрядно», «надысь», «извольте»; вместо «выпить чаю» — «испить чаю» или даже «откушать чаю». Потом начал замечать, что мысли свои, вполне соответствующие ХХI веку, тоже порой начал облекать в старые слова. Почти как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»: паки-паки, иже херувимы.

Без этих лексических вывертов, вроде «херувимов», о событиях, предшествующих выезду из Парижа, я рассказал экс-графу кратко, не распространяясь о попаданчестве, прогрессорстве и патронных капсюлях. Мы с ним встретились случайно в Варшаве, он также возвращался домой после каких-то европейских забот.

Он же меня просвещал в делах, о которых в газетах ещё не написали. В том числе — о германизации жизни при новой власти. Поскольку немецкий язык я подзабыл, в Варшаве купил словарь с самоучителем. Строганов мне помогал.

— В столице подучите лучше, Платон Сергеевич. Провинциальная публика ленива, их немецкий... Впрочем, скоро сами услышите.

Так мы коротали время, а мой лакей Пахом что-то обсуждал с лакеем Строганова Григорием, они ехали рядышком на облучке. Я поделился с экс-графом планами — посетить имения, жалованное императором на Волге, и другое, доставшееся в приданом от жены.

— Стало быть, едете во Владимир.

— Что значит — во Владимир? — удивился я. — Нет у меня в нём дел.

— Выходит, вы не в курсе, Платон Сергеевич, что Владимиром ныне зовётся бывший Нижний Новгород. По личному повелению председателя Верховного Правления Павла Ивановича Пестеля.

— Не скрою, удивили. Так что — на Руси два Владимира?

— Прежний нарекли Клязьминском. Река там протекает — Клязьма.

— Стало быть, Петербург поименуют Невском, а Киев — Днепровском?

— Сиё мне не ведомо. Только купечество нижегородское, кое ныне владимирским зовётся, за подсчёт барышей принялось. Знайте, председатель перенос столицы во Владимир замыслил. Оттого купеческие общества скупают дома в городе, земляца каждый день дорожает. Шутка ли — столица российская. Потом продадут сам-три, а то и сам-пять.

— Лопнут от барышей, — мне стало весело при мысли о купцах, потирающих руки. — А Пестель-Государь, небось, отгрохал себе палаты с видом на Волгу?

— Не успел. Переезд затеял из ненавистного ему Питера, да и застрял в Москве. Нет пока во Владимире казённых зданий, пригодных вместить Верховное Правление, коллегии да войсковой штаб. Фискалы с Синодом только перебрались. Адмиралтейство, Почта и Призрение в Санкт-Петербурге замешкались. Так и правит наш вождь на три столицы.

— Pardon, Александр Павлович, разъясните другое. Ладно Санкт-Петербург, вотчина романовская, ему не люб. Чем Москва плоха?

— Владимир народнее. Пестель нижегородцев почитает, Минина с Пожарским. Кстати, ещё раз напоминаю, как в Республику въедем, извольте попридержать свои «пардон» и «силь ву пле». Язык оккупантов двенадцатого года под запретом, потрудитесь по-русски говорить. А в Верховном Правлении немецкий уважают. Вы же помните Пестеля, Кюхельбекера, Дельвига. У них с русским языком... не очень, знаете ли.

— Как же, поэтические опусы Дельвига и Кюхли читывал. На благо Республики запретил бы им Пестель по-русски писать, не позориться.

— Недооцениваете Павла Ивановича. Запретили, и давно-с, и слава богу.

По бокам кареты проплывали последние аккуратные польские маёнтки. Летний ветер лениво шевелил шторку на окне, экипаж покачивался на рессорах, да Пахом покрикивал на четвёрку лошадей. Мы приближались к Брест-Литовску.

В тринадцатом году я насоветовал императору отпустить Польшу на все четыре стороны, от неё России больше хлопот и разорения, чем прибытку. Линия раздела прошла там, где в моём мире веком позже пролегла Линия Керзона.

О близости к кордону сообщил длинный хвост очереди из телег и карет. Так, говорят, выглядела белорусско-польская граница в девяностых, когда все кому не лень гонялись из Бреста в Польшу за ширпотребом с полными баками топлива, бензин и солярку продавали, сами скупали всё, что у поляков дешевле. Отдельной очередью стояли машины на транзитных номерах из Германии. Разница в том, что лошади были не впереди, а под капотом. Но сейчас-то что?

Так... В кои-то веки надо припомнить, что я, пусть не граф, но генеральские звания здесь никто не отменял, всё же лицо ва-ажное. Но только я сунулся сказать Пахому, чтоб объезжал и гнал напрямиком к пограницам, Строганов меня одёрнул:

— Извольте сесть. Впереди нас толпятся такие же граждане. Мы не из Верховного Правления, к Повелевающим не причислены. Полно вам волноваться! Кликну Гришку обед сообразить.

Обед был съеден и забыт, а мы даже успели подремать, когда четвёрка поравнялась наконец со шлагбаумом.

Потому солдатский окрик: «Халыт! Аусвайс!»* ворвался в мои дремотные грёзы ружейным выстрелом.

Я вышел из кареты, разминая ноги, и протянул российский заграничный паспорт, выправленный ещё Министерством иностранных дел Российской империи, у Пахома был такой же, только без упоминаний титула.

— Найн! Не действительны! — рявкнул солдат пограничной стражи.

У Строганова приключилось не лучше. Его паспорт был выдан после «великой» революции, но лакей Григорий ко времени выезда в Варшаву ещё состоял дворовым крепостным. Граф на основании ревизской сказки справил ему как сельскому обывателю покормёжные и пропускные письма. Однако за время отъезда из дома Гришка вдруг обрёл свободу от крепостных оков, оттого его документ также утратил силу.

Стоявший перед нами солдат угрюмо осмотрел «нарушителей» и потащился прочь.

— Попадись мне эдакое расхристанное чучело в лейб-гренадерском полку, не побрезговал бы сквозь строй прогнать. Сапоги в гармошку, несвежие рейтузы пузырями, зелёный мундир сохранил свой колер лишь частью: позор, а не защитник Отечества, — пробормотал сквозь зубы мой спутник, и я не нашёл что возразить.

Пугало унесло кипу бумаг в караулку. Мы потащились следом.

— Хер цугфюрер! Кайн папире!** — доложил страж кордона, качнув давно не чищенное ружьё со штыком в нашу сторону.

— Чево? — тот поднял мутный взгляд от стола, на котором для виду лежала горка бумаг, а главное украшение составили пара раздавленных мух.

* Стой! Документы! (Здесь и далее — плохой немецкий, если не оговорено иное.)

** Господин начальник! Нет документов!

— Так что это... Господа хорошие бумаг не имеют.
— Мятежники?! Под арест!
— Никак нет, херр цугфюрер. Просрочены бумаги-то. Имперские пашпорты да крепостная подорожная.

— Ага, — заключил постовой начальник и принялся думать. Сие дело заняло минут десять. И с польской, и с русской стороны к посту стянулись недовольные ожиданием. Наконец, херр офицер выдал плод раздумий собравшимся:

— Вона как. Тадыть в Варшаву надо.

— Как в Варшаву? — задохнулся от возмущения Строганов, а я промолчал, происходящее слишком напомнило мне вояж в Украину, лет за семь до попаданства. Там если уж попал в руки властей на нижней ступеньке иерархии, добром точно не отпустят.

— Известно как — поспешая. Там к русскому консулу, он вам временный пропуск да и выправит, — сторож границы печально руками развёл, потом нагнулся и заговорщически шепнул: — Али платите сто рублёв и езжайте с Богом.

Мы возмущённо переглянулись. Конечно, оба не бедны. Однако на сто рублей семья мелкого чина месяцами живёт — не тужит.

Вдруг раздался громкий шум с брестской стороны. Впереди шествовал солдат в таком же мундире, как и у кордонного, но чистый, подтянутый, лоснящийся. На рукаве форменки алела повязка, в белом круге чёрный двуглавый орёл.

— Разойдись! Цурюк, граждане. То бишь — назад все.

За энергическим военным важно протопал синий мундир генеральского вида. Цугфюрер резко вскочил, чуть стол не опрокинув. Заметив, что мы двое по-прежнему отираемся у караулки, махнул нам дланью — скройтесь с глаз от греха подальше.

Пока высокий фюрер песочил маленького, я шепнул Строганову:

— По две беленьких с каждого и поехали, Александр Павлович? Как раз — доллары и фунты на российскийские сменял.

— Не куковать же до морковкина заговенья, — согласился тот.

Синий мундир удалился, весь в усах и шпорах, однако пограничник с грустью глянул на четыре ассигнации и покачал головой.

— Извиняйте, господа хорошие. Ситуация, так сказать. Никак нельзя-с. Разве что завтра.

Вернувшись в Тересполь, мы отужинали в трактире, потом местный еврей всего за десять целковых провёл экипаж по полю к Бугу. Там был спрятан плот, на другой конец реки протянута верёвка. Импровизированный паром был достаточно велик, чтобы перевезти экипаж и лошадей. В итоге мы пробрались в Россию, как говорится, аки тать в ночи. К Минску подъехали через неделю, по пути расставшись с сотней — повстречался патруль и, само собой, затребовал «аусвайс». Созерцая, как унтер хапужисто прибрал купюры, Строганов заметил:

— Ныне Россия — самая дорогая страна для путешествий.

Старинный друг отца Александра Павловича, получивший от республиканской власти кресло губернского начальника, радостно встретил нас и зазвал в свой кабинет. Там половину стены занял огромный портрет Пестеля. Увы, поспособствовать с документами минский глава решительно отказался.

— Никак не могу-с, при всём уважении и доброй памяти о юных годах с вашим батюшкой. «Русская Правда» и законы революционные однозначно велят: новые бумаги справлять по месту жительства. Особо касаемо

бывших крепостных — только в волости, к коей приписаны были согласно подушным спискам.

— Как же быть, ежели новшества в дороге застали? — огорчился Строганов.

— Пока перемены не улягутся, во благо дома сидеть. Там, глядишь, и наладится.

Не решивши дело с «папире» и заночевав в еврейском трактире в нижнем городе неподалёку от собора Петра и Павла, мы наутро двинулись в Смоленск и Москву.

Глава 2

Увиденное по пути вселяло и тревогу, и надежду. Да, народ вздохнул свободнее, а такие люди трудятся радостней и плодотворней, нежели подневольные. Однако порядку, коего на Руси и ранее не хватало, ещё поубавилось. Вернее сказать, порядок совсем исчез.

Под самой первопрестольной нас пытались ограбить. Может, и не придал бы казусу особого значения, но у двоих были ружья. Пуля — дура, для кого-то из нас всё могло бы и закончиться среди леса. Строганов сплеховал, замешкался, а я извлёк пару двустольных пистолетов и выскочил наружу. С ротой егерей бил французов, числом, превосходящим в разы, тут какие-то босяки посмели мне угрожать?

Конечно, они не ожидали такого. Я дважды спустил курок, без разговоров застрелив двух налётчиков с ружьями. Разряженный пистолет кинул Пахому, а сам заорал на лихих людей:

— А ну убрать бревно с дороги! Живо! Не то в каждом дырок наколочу!

Дивная штука — человеческое стадо. Только готовы были наброситься на четверых путников, распаляясь близью лёгкой добычи. А как отпор встретили —

сникли, хоть и осталось разбойников дюжина против нас четырёх. Под пистолетным дулом сосну откатали, приговаривая: «не сердчайте, барин, бес попутал». Потом проводили экипаж голодными глазами.

— По закону положено заявить в отделение Общего Благочинья, — уронил Строганов, и я не понял — шутит он или говорит всерьёз.

— Что же вы предлагаете, сударь! Я, действительных документов не имеющий, словно рябчиков пострелял полноправных российских граждан. Тут ста рублями не отделаемся. Пожалуй, начинаю понимать новую логику, хоть и давно на Родине не был. Лучше другое скажите: вы с Пестелем знакомы?

— Не выпало счастья, хоть письмо к нему рекомендательное имею. Убеждают меня на службу поступить. Только с каждым днём убеждаюсь — та ли в России служба, чтоб к ней стремиться?

— Это уж сами решайте. Главное, чтоб на своём месте приносить пользу, а не вред Отечеству. Подумайте ещё: то же самое место может занять мурло, подобное встреченному нами на границе под Брестом. Я, кстати, с Пестелем раз встречался. Он на Бородино отличился изрядно. Интересно, каким ныне стал? Власть меняет людей.

— Уж точно, — согласился Строганов, изучивший пачку свежих газет, прикупленных в Минске. — Вконец зачерствел, видать, коль за день две дюжины казней утвердил, сотни три душ в ссылку отправил, сплошь его дурзя по Южному обчеству.

Господи, как здесь всё быстро! Гораздо скорее, чем в моей бытности. Что крайне прискорбно, в числе ссыльных я увидел полдюжины фамилий офицеров, с кем плечом к плечу воевал во французской кампании...

Каких-то полгода прошло, а на дворе вовсю «красный террор» или даже 1937 год! «Обострение классо-